

ЕКАТЕРИНА ШИТОВА

КЛИКУША

18+

Екатерина Шитова

Кликуша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69611449

SelfPub; 2023

Аннотация

Первая красавица на деревне, дерзкая и озорная Прасковья, готовится к скорой свадьбе. Но встреча с нечистой в ночь на Ивана Купалу грозит навсегда поломать ее судьбу. Послушавшись совета ведьмы, Прасковья скрывает от жениха случившееся и выходит замуж. Чем же для нее обернется эта ложь? И будет ли крепкой семья, в которой один из супругов хранит страшную тайну и прячет в себе нечто темное и страшное?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Екатерина Шитова

Кликуша

Глава 1

Дождь безжалостно хлестал Прасковью по лицу. Одежда ее промокла насквозь, пропиталась дождевой водой и стала тяжелой, потянула к низу. Но она как будто этого не чувствовала – сидела на земле, прижавшись спиной к стене деревянной церквушки. Платье ее задралось, обнажив голые ноги, руки безвольно раскинулись в разные стороны, светлые волосы повисли мокрыми сосульками вдоль лица.

– Просья... – послышался рядом с Прасковьей взволнованный голос.

Прасковья медленно повернула голову и увидела бегущую к ней под дождем женщину. Ночь была темная, но Прасковья сразу узнала ее. Женщина тоже промокла насквозь, с ее седых волос, выбившихся из-под платка, капала вода.

– Мама, – хрипло выговорила Прасковья, – Мама, опять она...

– Кто – она? – спросила мать.

– Кликуша!

Лицо Прасковьи сморщилось, и она разрыдалась в голос, уронив голову.

– Тише! – вскрикнула женщина и, боязливо оглянувшись по сторонам, прижала ладонь ко рту дочери.

– Мам, что же делать-то? – повторяла Прасковья.

– Тише, доченька, тише, – испуганно прошептала женщина.

– Мам... – Прасковья взглянула на мать дикими глазами, – Феденька! Я же убила его!

– Ну-ну, не ты это, Прося. Не ты! Да и обошлось все, слава богу. Жив наш Феденька, – проговорила женщина.

А потом она прижала голову Прасковьи к своей груди и прошептала ей на ухо:

– Вот только если Алексей тебя сейчас найдет, то не пожалеет больше, повесит на позорный столб, так он мне сказал, когда прибегал ко мне.

Прасковья горестно всхлипнула, и мать прижала ее к себе еще крепче.

– Уходи из села, Прося. Беги прямо сейчас! Мое сердце не выдержит, если я твои мучения воочию увижу, – начала причитать женщина, и на лицо Прасковьи упали ее горячие слезы, – Уходи, милая моя. Ты и так уже горюшка вдоволь хлебнула! Уходи, прошу!

– Нет, мама, – прошептала в ответ Прасковья, – не пойду, не уговаривай.

– Да что ты за дура такая упрямая! – в сердцах воскликнула женщина и стукнула дочь по лбу, – Уходи, говорю!

– Да не пойду я никуда, мама, – закричала Прасковья, –

тут сыночек мой, тут ты, тут вся моя жизнь! Куда ж мне идти?

– Тише, тише! – прошептала мать.

Рядом раздались взволнованные мужские голоса. Мужчины услышали их и уже бежали к церкви, громко крича.

– Вон она!

– Стой, все равно поймает!

Мать взглянула на Прасковью таким горестным взглядом, будто видела ее в последний раз.

– Прося... – прошептала она.

– Мамочка, не плачь обо мне, – еле слышно ответила Прасковья.

Они взялись за руки, словно прощались навсегда.

– Прасковья! – голос Алексея прогремел на всю округу, – выходи, все равно от меня не скроешься!

Мать сорвала с головы мокрый платок, прижала его к лицу и завывала. А Прасковья поднялась с земли и, скользя голыми ногами по сырой траве, пошла навстречу мужчинам, шатаясь, точно пьяная.

– Прасковья! – снова закричал Алексей.

– Здесь я, иду, – ответила Прасковья и вышла к мужчинам.

Увидев темный силуэт, группа мужчин притихла, потом от нее отделился один – тот, что был на голову выше остальных. Это был Алексей. Он подошел к Прасковье, схватил ее за волосы и поволок за собой. Она слышала, как где-то позади нее страшно завывает мать, проклиная Алексея на чем

свет стоит. Из глаз Прасковьи тоже лились слезы. Но она заслужила это наказание. Все, что бы с ней ни сделали сейчас – все будет справедливым.

Мужчины приволокли ее на большую базарную поляну. Дождь все лил, Прасковья чувствовала, что по уши вымазалась в грязи. Когда ее бросили на землю, она подняла голову и взглянула на высокий столб, темнеющий возле неё. Недавно к нему привязывали вора Витьку Дряблого. Он украл у соседа трех кур. А до этого тут была привязана Анна Рыжая, она оклеветала бывшую подругу, и ту чуть не уpekли в тюрьму на несколько лет. А теперь вот привяжут ее, Прасковью. За то, что она...

– Все, Прасковья! Не собираюсь я больше тебя терпеть, – закричал Алексей.

Она ничего не ответила и даже не взглянула на мужа – сидела на земле с опущенной головой. Когда мужчины подхватили ее под руки и поволокли к столбу, Прасковья вдруг закричала, ей стало так страшно, что душераздирающий крик сам вырвался из ее груди. Алексей схватил ее за плечи и принялся яростно трясти.

– Что, страшно тебе стало, паскуда? А когда ты нашего ребенка своими руками душила, не страшно было?

Алексей изо всех сил ударил Прасковью по лицу. Она упала на землю, и он принялся озлобленно пинать ее ногами. Остальные мужики стояли и молча смотрели на происходящее. Прасковья сжимала зубы от боли, прикрывая руками

ГОЛОВУ

– Тварь! Паскуда! Чуть ребенка не угробила! Чем тебе Феденька помешал, а? Отвечай! Ну?

Алексей схватил Прасковью за волосы и стал изо всех сил тыкать ее лицом в грязь.

– На, получай! За все получай, тварь! За семью нашу, за Феденьку, за жизнь мою переломанную! За весь твой обман! Получай! Получай! – рычал он.

И тут вдруг откуда-то сзади, из темноты, раздался громкий рев. Мужики обернулись, пытаясь рассмотреть, кто там. Алексей отпустил Прасковью, поднялся с земли.

– Это еще что? – ошарашенно воскликнул он.

Мужики и сами разинули рты от удивления. Один из них пожал плечами и прошептал:

– Не знаю, Леха, но что-то подсказывает мне, что нам лучше уйти отсюда подобру-поздорову.

– Эй! Ты кто? – прокричал Алексей в темноту.

Огромная, темная фигура тут же двинулась в его сторону, страшно рыча. Глаза у великана засверкали в темноте яростным огнем, на безобразном лице застыла жуткая гримаса. Один за другим, мужчины побежали прочь с поляны. Последним побегал Алексей, оставив жену на растерзание неведомому лесному чудовищу.

– Может, так даже справедливее будет, – пробубнил он себе под нос, – хоть греха на душу не возьму.

Обернувшись, он увидел, что монстр остановился возле

Прасковьи.

Женщина неподвижно лежала на земле. От последнего удара она потеряла сознание и не видела новой опасности, нависшей над ней. Великан склонился и какое-то время рассматривал ее, с шумом втягивая ноздрями воздух. А потом схватил ее руками, взвалил на плечо, точно мешок с картошкой, и понес в сторону леса.

– Туда тебе и дорога, кликуша! – процедил сквозь зубы Алексей, смачно сплюнул на землю и пошел прочь.

За пять лет до случившегося

– Прося, за водицей сбегай! – крикнула мать из кухни, – хлеб надо печь, а воды в кадке совсем нет!

– Бегу! – живо откликнулась Прасковья.

Она быстро сложила в берестяную шкатулку алые бусины и улыбнулась дряхлой старухе, лежащей на кровати.

– Сделаю вечером бусы и на свадьбу их надену. Эх, всего неделю мне в девках ходить осталось, бабушка! – прошептала Прасковья и улыбнулась старухе.

Та пожаткала беззубой челюстью и прошепелявила:

– Энтэ разве радость? Женитьба, что рабство для бабы.

Прасковья засмеялась, наклонилась к старухиному лицу и чмокнула дряблую, сморщенную щеку.

– Врешь ты все, бабушка! Было бы так, никто бы замуж не рвался! Мне все девки завидуют!

Старуха покачала головой, что-то неразборчиво пробуб-

нила в ответ. Но Прасковья уже не слушала ее, она любовалась на свое отражение в маленьком зеркальце.

Прасковья слыла в селе первой красавицей. Была она высокая, пышногрудая, курносая. Парни ее провожали выразительными, тоскующими взглядами, вздыхали и томились по ней. Улыбка Прасковьи сияла на лице, как ясное солнышко, светлые косы блестели золотом и были толщиной с кулак. В нее, веселую, озорную, дерзкую, невозможно было не влюбиться. Вот и влюблялись парни, теряли головы.

Но, несмотря на обилие ухажеров, Прасковья отдала свое сердце одному-единственному, высокому и статному красавцу Алексею. Они были хорошей парой, и молодежь завидовала их красоте и счастью.

– Проська! – вновь строго окликнула девушку мать.

Прасковья, замечтавшись, вздрогнула, быстро убрала зеркало под подушку и побежала на кухню.

– Недолго тебе командовать мной осталось, мамочка! – хитро подмигнув, прощebetала Прасковья, – выйду замуж, и все, упорхну, как птичка из твоего гнезда! Не на кого будет кричать! Не кому будет приказывать!

– Жаль, что отец не дожил до этого... – грустно проговорила мать, – Но ты не радуйся раньше времени! Ишь какая резвая! Не я, так муж будет командовать!

Девушка дерзко вскинула подбородок и воскликнула:

– Это мы еще посмотрим!

Взяв ведра и коромысло, она пошла к колодцу, напевая

песню. На улице стояло душное лето, синело небо, цвели травы, кузнечики отчаянно громко стрекотали в высокой траве. Прасковья шла, пела и улыбалась солнцу. И тут вдруг высокие кусты рядом с ней зашевелились, трава и ветви раздвинулись и оттуда, прямо из густых зарослей, на тропинку шагнул крепкий пучеглазый паренек. Он взглянул на Прасковью и молча раскинул руки, преградив ей путь. Девушка замерла в начале, а потом оттолкнула парня с дороги и проговорила строго:

– А ну, отойди, Ванька! Чего встал тут, как вкопанный? Чего глаза вылупил?

Ванька что-то промычал в ответ, но не сдвинулся с места.

– А ну, пропусти, дурак! А не то вот как дам тебе коромыслом, будешь знать, как девок в кустах караулить!

Прасковья не на шутку разозлилась, топнула ногой, нахмурила брови. Парень виновато опустил голову, отошел в сторону. Прасковья стремительным шагом прошла мимо него, а назад пошла в обход с полными ведрами. Вдруг Ванька до сих пор в кустах сидит!

Она и раньше замечала, что Ванька-дурак таскается за ней по пятам: то полевой цветок ей протянет, когда она идет мимо, то дикие ягоды или лукошко грибов на крыльцо поставит. Прасковья старалась не замечать его. Что ей за дело до местного юродивого? Он же безобидный – сирота, живет где-то в лесу, местные его жалеют, подкармливают, кто чем может. А ей что до него? Пусть ходит, пусть смотрит, этого она

ему запретить не может. Вот только таких выкрутасов, как сегодня, она точно не потерпит!

"Надо будет все рассказать Алеше, пусть припугнет его в следующий раз хорошенько, чтоб близко не подходил!" – решила Прасковья.

Алексей не давал другим парням даже смотреть на свою красавицу-невесту, и Прасковье льстила его ревность.

"Любит меня крепко, раз так ревнует," – думала она.

Алексей и вправду любил Прасковью. Он ее еще два года назад на селе присмотрел – юную, пышногрудую, дерзкую девчонку. Присмотрел и стал терпеливо ждать, пока она подрастет. Едва девушке исполнилось восемнадцать лет, как он тут же посватался к ней.

Зое, матери Прасковьи, будущий зять пришелся по душе. Алексей был трудолюбивым, хозяйственным, надежным. «Самое то для моей вертушки Проськи,» – так думала Зоя. Семьи сговорились сыграть свадьбу ближайшим летом, сразу после праздника Купалы. Зоя после помолвки начала активно выстраивать семейные отношения. Она то и дело просила Алексея о помощи по дому. Муж ее давно умер, и ей очень не хватало мужских рук в хозяйстве. А Алексей и рад был помогать, ведь это был повод лишний раз взглянуть на свою будущую жену.

В темноте узких сеней Прасковья ловила в объятия и бесстыдно целовала жениха в губы – нежно и чувственно, и с ликованием ощущала, как дрожит от страстного напряжения

все его тело. Когда она отталкивала Алексея, его лицо становилось глубоко несчастным. Прасковье нравилось чувствовать эту женскую власть над ним, сильным мужчиной. Поэтому она не верила, что после свадьбы он начнет ею командовать, как пугала мать. Ей думалось, что Алексей всегда будет таким, как теперь, – ласковым, нежным, послушным, готовым луну с неба достать, если она попросит...

«Алешенька меня любит. Расскажу-ка я ему про Ваньку. Пусть он его накажет, как следует,» – подумала Прасковья, заходя во двор.

Поставив ведра в прохладу сеней, Прасковья вышла на улицу и крикнула матери:

– Мам, я принесла воды!

– А к тебе Алешенька приходил, – прокричала мать, высовываясь в окно.

– Что же он мне навстречу не пошел? Хоть бы ведра донес! Устала тащить по такой жаре! – возмутилась Прасковья.

– Они с отцом в соседнее село поехали, он сказать приходил. Ждать не мог – шибко торопился. Передал тебе, чтобы ты тут без него не скучала и до свадьбы дома сидела.

– Куда ж он, неугомонный? Ведь всего неделя до свадьбы осталась! – обиженно проговорила Прасковья.

– Дядька у него помер. Хоронить поехали, – тихо прошептала Зоя.

– Ух, вредный какой дядька, не мог после свадьбы помереть! – буркнула Прасковья, заходя в дом.

– Просья! – строго окликнула мать, – ты за языком следи! Вот отцовского ремня-то на тебя нет!

Прасковья отвернулась и, незаметно для матери, скорчила недовольную рожицу.

– На Купалу я все равно пойду. Вот еще! Дело ли – последние свободные деньки просиживать дома? – крикнула она матери.

Зоя захохала, заворчала в ответ, но вскоре хлопоты на кухне увлекли ее, и она на время забыла о дочери.

– Проська! Невестушка наша! А мы уж думали, что до свадьбы тебя не увидим! – весело закричали девушки, издалека увидев Прасковью, – как же тебя жених-то на Купалу отпустил?

– А мне жених не указ! – ответила Прасковья и дерзко вскинула голову.

Девушки захохотали разом, их звонкие, молодые голоса разнеслись по лужайке возле реки, освещенной множеством горящих костров. Здесь было сегодня много парней и девок.

– Пошли с нами через костер прыгать?

Девушки помахали Прасковье и, смеясь, наперегонки побежали к кострам.

Прасковья довольно улыбнулась и оглянулась по сторонам. Вокруг толпились парни и девки – веселые, нарядные, одетые в одинаково белые одежды. Головы девушек украшали красивые венки, сплетенные для того, чтобы пустить их

ночью по воде. Купальская вода обязательно покажет, кто из них в этом году обретет любовь, а кто – семью. В прошлом году вода подсказала Прасковье, что скоро ее сердце будет отдано парню. Так и случилось, все сбылось, скоро свадьба.

Прасковья побежала к пляшущим девкам, и вскоре вихрь танца закружил, понес ее вместе с остальными в большом хороводе. Она смеялась, запрокинув голову. Вокруг нее мелькали такие же радостные, возбужденные лица. Кругом слышались крики и смех, где-то в стороне играли дудки и гармони. Прасковье было хорошо, она любила праздники, любила необузданно веселую Купалью ночь.

Но тут вдруг она наткнулась на пристальный и неподвижный взгляд огромных, круглых глаз – кто-то неотрывно смотрел на нее из темных зарослей рогоза. С отчаянно бьющимся сердцем Прасковья вышла из хоровода и всмотрелась во тьму. Кусты тут же сомкнулись. Прасковья тихонько подкралась ближе и резким движением раздвинула зеленые листья. В кустах сидел Ванька-дурак.

– Попался! – закричала она, схватила Ваньку за ухо и потащила его за собой, – а ну, выходи на свет, наглец!

Возле костра Прасковья отпустила парня и толкнула его на землю.

– Что ты, окаянный, все ходишь за мной? Влюбился, что ли?

Ванька что-то промычал ей, затряс головой. Щеки его покраснели, а длинные светлые волосы упали на лоб. Вокруг

Прасковьи сразу же собрались смеющиеся девки и парни, они окружили их с Ванькой со всех сторон.

– Влюбился Ванька-дурак в Прасковью!

– Сам дурак, а губа у него не дура!

– Самую красивую девку выбрал, молодец Ванька!

Смеющиеся голоса, доносящиеся отовсюду подзадоривали Прасковью.

– Ох, – вздохнула она, томно закатив глаза, – поцеловать тебя, что ли, в честь праздника?

Девки и парни засмеялись, завизжали от восторга.

– Целуй, Проська, на Купалу все можно! Алексею не расскажем!

Прасковья склонилась к лицу дрожащего от волнения парня и звонко поцеловала его в лоб.

– Вот тебе поцелуй, Ванька, а теперь запомни, – строго сказала Прасковья, схватив парня за грудки, – перестань ходить за мной, и в мою сторону больше не смотри даже. У меня есть жених, и через неделю нам сыграют свадьбу! Если я ему на тебя пожалуюсь, он тебя на мельнице в муку сотрет!

Ванька смотрел в глаза Прасковье, не моргая. У него было странное напряженное и одновременно потерянное выражение лица. Прасковья не знала, что творится в голове у этого дурачка, не знала, понимает ли он ее, поэтому она решила пригрозить ему как можно строже.

– Понял? – сквозь зубы прошипела она ему в лицо, – а если я еще хоть раз тебя рядом увижу, точно все расскажу

Алексею. Тогда тебе не поздоровится! Уходи в свой лес и больше не появляйся тут!

Ванька что-то промычал в ответ, часто заморгал круглыми глазами. А когда Прасковья отпустила его, он поднялся на ноги и побежал прочь от шумной, смеющейся толпы, боязливо оглядываясь по сторонам. Его сторбленные плечи вздрагивали, и Прасковье показалось, что он плачет.

– Ну ты Прасковья, девка-огонь! Повезло с тобой Алексею! Не соскучится! – восхищенно проговорил один из парней.

Прасковья взглянула на него, улыбнулась дерзко и пошла к костру. Задрала длинную юбку выше колен, она разбежалась и прыгнула. Алый огонь жадно лизнул ее голые пятки. Она вскрикнула, побежала к реке, зашла в темную воду по пояс и закрыла глаза от блаженной прохлады. Кто-то обрызнул ее водой с ног до головы, и Прасковья громко завизжала, закружилась, расплескивая мелкие брызги во все стороны.

Выбежав из воды, она со смехом упала в мягкую траву. Юбка задралась, оголив стройные ноги, но Прасковья даже не поправила ее – на Купалу можно вести себя так вольно, как хочется – никто и слова не скажет. Это праздник молодости, любви и самой жизни. Все равно огонь заберет себе все плохое, а вода смывает все прегрешения. Прасковья закрыла глаза и улыбнулась.

“Вот бы сейчас Алексей был здесь! Так и хочется прильнуть к его широкой груди!” – подумала она, закрыв глаза.

Но тут кто-то присел на траву рядом с ней, и Прасковья вздрогнула от неожиданности.

– Проська! А мы с Матвеем только что в кустах целовались! Правда-правда! – взволнованно прошептала на ухо Прасковье Маша, одна из ее близких подружек.

– Ну, Машка! Охмурила ты все-таки парня! Сколько он сопротивлялся, – радостно воскликнула Прасковья, повернувшись к подруге.

– Да, Проська, я год за ним, как собачонка бегала, а он все – ни в какую! Осел упрямый! – засмеялась Маша.

– Ну все, Машка, теперь его крепко в узде держи, чтоб никуда от тебя не делся!

Маша вся засияла, лицо ее заалело от счастья, губы расплылись в улыбке.

– Крепко ты его любишь, подруга! Так и светишься вся! – пропела Прасковья, обнимая подругу за плечи.

Машка кивнула, покраснела еще пуще, а потом наклонилась к Прасковье и зашептала ей на ухо:

– Я, Проська, сегодня в лес из-за него собралась. Вот как люблю! Да боюсь одна-то идти, нечисть на Купалу по лесам разгуливает.

Машка закусила губу, а потом схватила Прасковью за руку.

– Пойдем со мной, подруженька? Я знаю, ты не испугаешься, как другие трусихи!

– Да зачем же тебе в лес? – удивленно спросила Праско-

вья.

– Я цветок папоротника хочу найти! – восторженно выдохнула Маша.

– Ой, дурная! Какой еще цветок папоротника? Кто только не искал его! Выдумки это все, Машка! Сказочки! – засмеялась Прасковья, – Пошли лучше венки на воду пускать. Вон, девки уже песню гадальную затянули.

Над рекой и вправду стихли крики и смех, влюбленные парочки разошлись по кустам, чтоб вдоволь намиловаться, а одинокие девушки присели в круг, расплели косы и запели песню. Песня была красивая, звуки нежных девичьих голосов неторопливо текли над темной рекой. На душе у Прасковьи отчего-то стало тоскливо.

*– Ой ты речка-реченька
Берега пологие,
Ты скажи мне, реченька,
Подскажи, родимая,
Найду ли сердцу милого,
Смелого и сильного,
Кто полюбит душеньку,
Душеньку-голубушку.
Ой ты, речка-реченька,
Воды во тьме плещутся,
Подари ты девице
Крепкую любовь.
Чтобы сердцу миленький,*

Ко мне пришел родименький.

Покажи мне, реченька,

Друга моего...

Девушки допели, а потом пошли к реке, загадочно улыбаясь друг другу. В глазах каждой из них теплилась надежда. Зайдя в реку кто по колено, кто по пояс, они по очереди стали класть венки на темную воду. Прасковья внимательно наблюдала за ними, ей было интересно, кому река сегодня покажет суженого. Но Маша все теребила ее за руку, шептала страстно в ухо:

– Цветок папоротника любое желание исполняет! Может неземным счастьем наделить, а может – любовью бесконечной. И самое главное! Он может сделать так, чтобы красота твоя не увядала! Красота не увянет, значит, и муж не разлюбит!

Прасковья строго взглянула на подругу, Маша смотрела на нее умоляющим взглядом.

– Красота, говоришь? – усмехнулась Прасковья

– Угу. Красота-то, Проська, даже у тебя не вечная. Бабий век ох как короток!

Маша взяла ее за руку и слегка потянула на себя. И Прасковья не выдержала, махнула рукой.

– Ладно, пошли, Машка. Все равно венки на воду мне пускать ни к чему – у меня жених есть, и свадьба на носу. А нечисти я и вправду не боюсь. Пошли!

Они взялись за руки и торопливо зашагали прочь от тем-

ной реки и от горящих костров. Когда их обеих обняла ночная тьма, Прасковья нахмурилась и сказала:

– Только имей в виду, Машка, мне от твоего папоротника ничего не нужно! Себе красоту и любовь проси, если найдешь цветок. Тебе нужнее. А я просто из интереса схожу.

– Проська, правильно про тебя говорят, что ты огонь-девка! – восторженно выдохнула Маша.

Прасковья засмеялась и потянула Машу за собой в лес.

Прасковья бывала раньше ночью в лесу, но никогда прежде ей не было так страшно, как сейчас. Чего именно она боялась – она и сама не могла понять. Машке о своем страхе она ничего не говорила, но и справиться с ним не могла – шла вперед, пробираясь через пни и спутанные ветви деревьев, и дрожала.

Не зря молодых девок мамки пугают, что на Купалу по лесам ходить нельзя – нечисть гуляет, простоволосых, беззащитных девиц губит. Даже сама лесная чаща была не такой, как всегда, так казалось Прасковье. Лунный свет разгонял мрачную тьму, но длинные, корявые ветви деревьев качались из стороны в сторону и натужно скрипели, словно хотели схватить Прасковью и Машу за длинные волосы. Ветер шептал девушкам что-то жуткое на непонятном языке, и все кругом было наполнено стонами и странными шорохами. Прасковье то и дело мерещились скользкие между деревьями тени, и она боялась их, хоть и была не из пугливых.

– Маша, чего-то боязно мне. Пойдем обратно, – окликнула она подругу, – вон и луна, того гляди, за тучу зайдет. Ничего не увидим и заблудимся в темноте.

– Пришли уже, Проська, не бойся! – радостно прошептала Маша, – вон он, папоротник-то.

Девушка указала рукой в сторону большого оврага, дно которого заросло папоротниками. Ажурные листья были до того пышными и густыми, что создавали видимость мягкого зеленого омота. Казалось, можно было прыгнуть и плыть по папоротнику. Оставив Прасковью, Маша побежала к обрыву.

– Стой, Маша! – крикнула Прасковья, – Стой! Обрыв очень крут! Сорвешься!

Маша резко остановилась, не добежав пары шагов до края.

– Тише, Проська! – обернувшись, шикнула она, – теперь нужно ждать. Стой, где стоишь, да не шуми!

Какое-то время девушки стояли, не шевелясь, а потом где-то в чаще леса раздался вой, да такой жуткий, что Прасковья вся похолодела, задрожала.

– Все, Машка, пошли отсюда! Не нравится мне все это, – прошептала она, обхватив себя руками и оглядываясь по сторонам.

И снова ей почудилась чья-то черная тень, скользящая между деревьями.

– Машка! Пошли сейчас же, а не то я одна уйду! – яростно прошептала Прасковья и направилась к подруге.

Но тут на дне оврага зажглась ярко-желтая искра. Маша подпрыгнула, закружилась вокруг себя и прошептала восторженно:

– Вот! А ты не верила! Это же цветок папоротника распускается! Огнем сияет!

Маша подошла к самому краю, и глянула вниз. И вдруг ноги ее соскользнули с обрыва, и она, с громким визгом, кубарем полетела вниз. Когда тело ее с глухим стуком ударилось о землю, крик оборвался, и над оврагом повисла странная, гнетущая тишина.

Прасковье показалось, что в эту секунду ее сердце остановилось от ледящего душу ужаса, растекшегося по нутру. На стомых ногах она подошла к обрыву и заглянула в овраг. Маша лежала на дне, неестественно раскинув ноги и руки и смотрела на нее застывшим взглядом.

– Маша! – крикнула Прасковья, – Маша, ты жива?

Но Маша не шевелилась. Ноги Прасковьи подкосились, и она осела на землю, обхватив голову руками. И тут луна зашла за большую черную тучу, и лес тут же накрыла непроглядная тьма. Услышав рядом с собой шорох, Прасковья вздрогнула, вскочила на ноги, вытягивая перед собой руки.

– Кто здесь? – проговорила она дрожащим голосом.

Лица коснулось что-то липкое и холодное, и Прасковья закричала во весь голос:

– Ааааа!

Она бросилась бежать наугад, натыкаясь в темноте на деревья и кусты, запинаясь за торчащие из земли корни, сухие коряги и старые пни. Она падала, сдирая в кровь колени и локти, вставала и снова бежала. Ей все время казалось, что кто-то гонится за ней по пятам, тянет к ней костлявые лапы, дышит смрадом прямо в затылок.

А потом что-то злое и темное прыгнуло на нее сверху, вцепилось в волосы и, шипя, поползло по телу гигантским пауком. Прасковья закричала, разум ее помутился от ужаса. Ей показалось, что что-то большое и холодной заползло к ней в рот. Прижав руки к горлу, она стала захлебываться в собственном страхе, словно в воде. И вода эта была черной-пречерной, как сама Купальья ночь...

Глава 2

– Ну же, доченька, постарайся, милая! Вдруг еще что-то вспомнишь? – Зоя гладила руку дочери и то и дело заглядывала ей в глаза.

Но Прасковья смотрела мимо матери пустым, безразличным взглядом. Это пугало Зою, дочь была не похожа сама на себя, сидела на кровати, как кукла. Но местный лекарь сказал, что это обычный испуг, и нужно просто оставить девушку в покое, тепле и не тревожить ее – сама оклемается. А как же не тревожить, если только Прасковья могла рассказать, что на самом деле случилось в лесу на Купалью ночь.

Когда дочь не вернулась с игрищ в назначенное время, Зоя переполошила все село. Выяснилось, что еще одна девушка, Маша, не пришла в ту ночь домой. Едва забрезжил рассвет, мужики и парни отправились на поиски пропавших девушек. Сначала искали у реки, потом двинулись к лесу. И тут Зоя, которая шла в первых рядах, увидела, как Прасковья сама выходит из леса и идет к ним навстречу.

– Прасковья! Доченька! – что есть сил закричала Зоя и со всех ног бросилась к дочери.

Только подбежав ближе, она заметила, что Прасковья бледная, как праздничная скатерть, косы ее растрепаны, а одежда перепачкана грязью. У Зои к горлу подступил комок, нехорошее предчувствие сдавило грудь.

– Тебя кто-то обидел, доченька? – дрожащим голосом спросила женщина.

Прасковья устало взглянула на мать и покачала головой.

– Нет, мама, – ответила она.

Взгляд девушки был странным – пустым и отрешенным.

Зоя осторожно взяла дочь за руку.

– Что же ты в лесу делала, Прося? Где Маша?

Вокруг них столпились мужики и парни, все внимательно слушали, что скажет Прасковья.

– Маша? – спросила Прасковья и задумалась, будто вспоминая, кто такая Маша, – Маша в лесу...

Прасковья осеклась и стала беспокойно оглядываться по сторонам.

– Что же ты Машу-то в лесу оставила, Прасковья? – крикнул кто-то из толпы.

– Где Маша, Прося? – тихо спросила Зоя, сжимая руку дочери.

Взгляд Прасковьи помутнел, лицо побледнело еще сильнее.

– Маша попросила меня сходить с ней к лесному оврагу. Ей хотелось сорвать цветок папоротника.

Прасковья отыскала глазами родителей подруги и замерла..

– Говори, Прося, говори, не томи! – нетерпеливо воскликнула Зоя.

– Она поскользнулась и упала в овраг, – тихо выдохнула

девушка, – Она... Она разбилась насмерть!

В толпе ахнули, зашептались. Мужики тут же побежали в лес, в сторону большого оврага. А Прасковья с матерью остались стоять, растерянно глядя друг на друга.

– Доченька, как же так? У тебя свадьба через неделю. Тебя-то зачем в лес понесло?

– Не знаю, мам! – всхлипнула Прасковья, – Маша просила сходить с ней, вот я и не смогла отказать.

Зоя укоризненно покачала головой.

– Ох, девки-девки! Молодые, беспутые, безголовые!

– Мам! Да если бы я знала, что так будет, разве я согласилась бы идти? Машка так просила, так просила! Что же мне делать-то теперь, мам?

Зоя обняла рыдающую дочь, прижала к себе и нащупала на ее спине разорванную ткань платья. Обойдя Прасковью и взглянув на ее спину, женщина вскрикнула от ужаса – вся спина дочери была в свежих, кровоточащих царапинах. Словно какой-то зверь драл ее острыми когтями.

– Прасковья, кто же тебя так? – тихо спросила Зоя, – вся спина изранена.

– Не знаю... Я по лесу бежала, ничего перед собою не видела, падала... – пролепетала Прасковья.

Взгляд ее снова стал отрешенным, она нахмурилась, силась вспомнить, что с ней случилось, но ничего не помнила, все словно покрылось черной пеленой.

– Прасковья, милая, скажи правду. На вас с Машей кто-

то напал? – еле слышно произнесла Зоя.

– Не знаю. Нет... – растерянно ответила Прасковья, и из глаз ее непрерывным потоком потекли слезы, – мам, я не помню! Я ничего больше не помню!

– Ладно, все-все, успокойся, не реви, – строго сказала Зоя.

Она взяла дочь за руку и потянула ее за собой. Прасковья послушно пошла за матерью, громко всхлипывая.

– Ничего-ничего. Сейчас баню затоплю, намою тебя, напарю, чаем травяным напою, и ты сразу в себя придешь, успокоишься.

– Что же делать-то, мам? Что теперь делать? – без конца спрашивала Прасковья, пока они шли к дому.

Зоя оборачивалась на дочь, смотрела с тревогой на синяки и ссадины на ее теле и молчала. Она пока что и сама не знала, что делать.

Вымыв Прасковью в бане, Зоя уложила ее в кровать и укутала теплым одеялом. Девушка закрыла глаза, и вскоре дыхание ее стало ровным, она уснула. Старуха, лежащая напротив, внимательно смотрела на внучку и беззвучно жамкала беззубой челюстью.

– Снасильничали? – тихо спросила она.

Зоя пожала плечами, вздохнула горестно.

– Типун тебе на язык, мама! Говорит, что не помнит ничего. С подругой пошла ночью в лес за цветком папоротника, и все – всю судьбу себе обе переломали. Подруга в овраг

упала, шею свернула, а наша, по-моему, умом тронулась от страха. Что теперь со свадьбой делать – не знаю.

– Молодая, отойдет еще к свадьбе, – спокойно ответила старуха и отвернулась к стене.

Зоя еще немного постояла над дочерью, повздыхала, потом перекрестила ее, пошептала молитву над ее головой и пошла в кухню спать.

Прасковья поначалу спала крепко и спокойно. А потом вдруг резко проснулась от того, что кто-то толкнул ее. Она открыла глаза, осмотрелась, но вокруг было темно и тихо, только бабушка, как обычно, стонала и кряхтела во сне.

Только Прасковья хотела лечь, как вдруг снова подскочила на кровати, как будто кто-то пнул ее в бок. Испугавшись, она хотела сесть, но тело ее не слушалось. Ее внезапно всю затрясло, руки скрючились в судорогах, а спину выгнуло дугой. Прасковья упала с кровати и начала биться головой об пол, издавая страшные вопли. Проснувшись от сильного шума, Зоя прибежала в комнату. Она второпях зажгла керосиновую лампу и, увидев, что Прасковья вся почернела, и изо рта ее идет пена, закричала от страха, упала на колени рядом с дочерью, не зная, как ей помочь.

– Прасковья! Доченька! Да что же это такое? – закричала Зоя, обхватив ладонями черное лицо дочери.

И тут вдруг Прасковья затихла, тело ее обмякло, судорога ушла. Она взглянула на мать, оттолкнула ее, вскочила на

ноги и забила в темный угол.

– Это я Машку убила! – захохотала Прасковья, страшно округлив глаза.

Зоя сидела на полу перед дочерью бледная и напуганная. Она была уверена, что сердце ее вот-вот разорвется от страха.

– Что ты такое говоришь, доченька? Что с тобой, моя Просенька? – тонким голосом проговорила Зоя, пытаясь сдерживать рыдания, подступающие к горлу.

– Я! Я Машку убила! Она в овраге живая еще была, а я ее взяла и задушила! – Прасковья присела в углу, вцепилась растопыренными пальцами в волосы и закричала, – Дура она была. Зачем таким дурам жить?

Прасковья принялась хохотать, как сумасшедшая. А когда голос ее охрип, она осела в углу и закрыла глаза. Зоя долго не решалась встать и подойти к дочери. Она тихо плакала, закрыв лицо руками. А потом услышала, как старуха завозилась на своей кровати. От испуга она совсем позабыла о ней! Она поднялась с пола и присела рядом с матерью, которая уже два года не вставала с кровати. Лицо старухи оставалось абсолютно спокойным. Она пожевала беззубой челюстью, а потом произнесла:

– Кликуша она.

– Что? – Зоя взглянула на мать непонимающим взглядом.

– Кликуша, – повторила старуха, – бес в нее вселился в лесу, разве не видишь? Теперь он внутри нее сидит и из нее

кликает.

Зоя вытаращила глаза от удивления.

– Это что же, получается, Прасковья Машу убила?

– Бес врать не станет. Только это не Прасковья была. Это бес ее рученьками Машку погубил, – прошепелявила старуха.

– И что теперь делать? Как этого беса прогнать? – тихо спросила она, склонившись над матерью.

– Никак ты его не прогонишь, – недовольно ответила старуха, зевнула, широко раскрыв рот, и снова, кряхтя, отвернулась к стене, – сколько кликуш видела, ни одна от беса избавиться не смогла.

Зоя осторожно подошла к дочери и, убедившись, что та уже крепко спит, подхватила ее под руки и уложила обратно в кровать.

Три дня после случившегося Прасковья провела в постели. Она лежала на подушке, смотрела в потолок и не шевелилась, словно окончательно превратилась в тряпичную куклу. Мать кормила ее с ложки, переодевала, заплетала ей косы. Но на четвертый день жизнь и сознание вернулись к девушке. Она поднялась с кровати и заправила ее, потом подошла к бабушке и звонко поцеловала ее в дряблую щеку.

– Говорила же, оправится. Что с ней, молодой кобылой, будет? – проворчала старуха.

Зоя вошла в комнату и ахнула, увидев, что дочь, улыбаясь,

смотрится в зеркало.

– Алексей еще не приехал? – спросила девушка, как ни в чем не бывало.

– Нет еще. Сегодня обещался, – растерянно ответила мать, прижимая руки к груди и не веря своим глазам.

У нас свадьба послезавтра, а он все еще не приехал! – возмущенно воскликнула Прасковья, – хорош жених!

Девушка строго взглянула на мать и нахмурилась.

– Мам, ты чего на меня уставилась, будто впервые увидела?

Зоя отвела глаза, махнула рукой на Прасковью.

– Уж и посмотреть нельзя, что ли? Скоро уедешь от нас с бабушкой. Хоть насмотрюсь на тебя напоследок! – прошептала она.

Прасковья закатила глаза и стянула с себя через голову сорочку. Надев яркое цветастое платье, она выпорхнула на кухню, словно легкая бабочка. Зоя смотрела на то, как дочь, пританцовывая, наливает себе полную чашку молока, и внутри у нее разливалось теплое, приятное спокойствие.

“Может, все обойдется, забудется... Может, ошиблась бабка и нет в Прасковье никакого беса...” – так думала Зоя, неотрывно наблюдая за дочерью.

Но той же ночью Зоя проснулась от громкого стука, доносящегося из комнаты Прасковьи.

– Прося, доченька, – сонно позвала она.

Шум стих на какое-то время, но вскоре до Зои вновь донесся стук, а следом за ним она услышала жуткие, хрипящие звуки, за которыми последовал громкий и неестественный смех Прасковьи. Зоя вздрогнула и почувствовала, как по телу пополз липкий страх.

Хрипы слышались все сильнее, и Зоя, пересилив себя, вылезла из-под одеяла и босыми ногами прошлепала по холодному полу в сторону комнаты. Остановившись в дверном проеме, женщина замерла на месте. То, что она увидела, на мгновение лишило ее рассудка. Ее старуха-мать лежала на полу, а верхом на ней сидела Прасковья, сжимая пальцами тонкую, дряблую шею.

– Прося? – взвизгнула Зоя.

Она вцепилась дочери в волосы и хотела оттолкнуть ее в сторону, но Прасковья схватила ее за запястья и сжала их до хруста.

– Аааа! Что ты наделала, Прося? Что ты натворила? – завопила Зоя, вытирая крупные, прозрачные слезы, бегущие по щекам, – ты же убила ее! Чем тебе помешала дряхлая старуха? Чем не угодила родная бабка?

Прасковья отпрыгнула в угол, присела на четвереньки, опираясь на руки и стала похожа на огромного, черного паука.

– Вредная старуха! Будет знать, как меня бесом звать!

Прасковья выпрямилась и закричала во весь голос:

– Я не бес! Не бес!

Лицо ее почернело, опухло, губы искривились, глаза страшно выпучились, того гляди, выпадут из орбит. Зоя смотрела на Прасковью, открыв рот и не верила, что страшное чудище, сидящее на корточках в углу – ее дитя, ее красавица-дочь.

– Ладно-ладно, – тихо пробормотала Зоя, – успокойся, доченька! Уймись, родимая!

– Я не бес! – вопила Прасковья.

Тело ее вдруг согнулось пополам, а потом выгнулось дугой в другую сторону, она рухнула на пол и начала трястись в судорогах. Глаза Прасковьи закатились, на губах выступила пена. Зоя завывала, обхватив голову руками. Умом она понимала, что должна как-то помочь дочери, но душу ее сдавил такой нечеловеческий страх, что она не могла себя заставить подойти к ней.

Спустя несколько минут, которые показались Зое долгими часами, Прасковья затихла. Она осталась лежать на полу, вздрагивая время от времени. Зоя тоже сидела на полу, прижав ладони к лицу. Спустя какое-то время до ушей женщины донесся слабый шепот.

– Мамочка...

Зоя боязливо подняла голову и увидела, что Прасковья очнулась. Она сидела на полу – бледная и растерянная, и в ужасе смотрела по сторонам.

– Мамочка, а что с бабушкой? Почему она не шевелится? – прошептала Прасковья.

Она взглянула на Зою, но та вместо ответа громко всхлипнула и снова закрыла лицо руками. Прасковья взглянула на свои дрожащие пальцы и побледнела.

– Это я ее убила? – спросила она.

Зоя, не в силах вымолвить ни слова, яростно закивала головой. А потом из ее груди вырвались громкие рыдания. Прасковья сидела на полу и, не отрываясь, смотрела на задущенную старуху. Как она могла сотворить такое? Ведь она очень любила бабушку. Еще утром она целовала ее морщинистый лоб, смеялась над ее острыми шутками. А теперь бабушка лежит на полу с безобразно разинутым ртом, из которого вывалился синий язык. И мать уверяет, что виновата в этом она, Прасковья.

– Что со мной, мамочка? – снова прошептала она, взглянув на безутешную мать, – я ведь не хотела. Клянусь, я не хотела. Я не знаю, как это вышло!

Зоя вытерла слезы подолом ночной рубашки, шумно высморкалась и внимательно посмотрела на дочь.

– Это не ты ее убила, Прося. И Машку тоже не ты в овраг толкнула, – тихо сказала она, – Бес в тебе поселился, доченька. Это его рук дело. И зачем ты только в Купалью ночь в лес пошла?

У Прасковьи от изумления вытянулось лицо.

– Бес? Что же мне сейчас делать, мамочка? – жалобно спросила она, – я ведь думала, что у меня впереди долгая, счастливая жизнь. А теперь, получается, все кончено, ника-

кой свадьбы не будет. Я душегубка, мамочка! Меня или в тюрьму отправят, или палками до смерти забьют на поляне.

– Подожди реветь! – строго приказала Зоя, поднимаясь с пола, – может, придумаем что-нибудь. Утро вечера мудренее, Прося. Иди ложись спать!

Зоя увела Прасковью на кухню, уложила ее на своей лавке, а сама кое-как затащила мертвую старуху обратно на кровать, вложила вывалившийся язык ей в рот и кое-как закрыла беззубую челюсть. Утром она скажет всем, что бабушка сама померла ночью, от старости.

Сев напротив старухи, она стала думать, как ей помочь дочери. Когда первые лучи рассвета заглянули в окно и коснулись растрепанных волос Зои, она встала, оделась, повязала на голову платок и тихо, чтобы не разбудить дочь, вышла из дома...

Глава 3

– Мам, страшно! – прошептала Прасковья и крепко вцепилась дрожащими пальцами в руку матери.

– Пойдем, Прося, не бойся. Не убьет же она тебя! Наоборот, поможет, – строго ответила Зоя и громко постучала в низкую дверь.

Когда дверь распахнулась, мать и дочь, склонив головы, вошли внутрь. В избе было душно, пахло горьким дымом и травами. Прасковья в потемках не увидела пустое ведро, стоящее у порога, запнулась за него и чуть не упала.

– Ну, жаба неуклюжая! – недовольно проворчала хозяйка избушки.

– Извините, не увидела. Темно, – сказала Прасковья и испуганно взглянула на мать.

Зоя остановилась у порога и громко произнесла:

– Здравствуй, Марфа, мир твоему дому! Мы к тебе с подарками пришли да за помощью.

Из темноты избы к ним вышла толстая, некрасивая женщина. Ее круглое, недовольное лицо лоснилось жирным блеском и было сплошь покрыто бородавками, а над верхней губой росли черные усы. Женщина внимательно осмотрела своих гостей и указала рукой на деревянный стол, заваленный сухими травами.

– Начинайте с подарков. Это хоть поприятнее, чем те беды

да заботы, которые вы с собой притащили.

Зоя торопливо кивнула и, заискивающе улыбаясь, подошла к столу, поставила на него корзинку, накрытую платком.

– Вот, Марфа, как я и обещала: всего тебе принесли, ничего не пожалели. Все, что было у нас – все тут. Сахар, соль, мука, яйца...

Зоя выкладывала на стол гостинцы – такую плату попросила у нее ведьма Марфа за помощь Прасковье.

– Вот еще рыбный сочень принесла, очень вкусный, сама пекла. С поминок остался, – Зоя протянула ведьме пирог, – у нас бабушка на днях померла. Моя мать. Вчера схоронили. Помяни.

На этих словах Прасковья побледнела и без приглашения опустилась на лавку. Ведьма зыркнула на нее недовольно и стала внимательно рассматривать гостинцы. Сочень она поднесла к носу и долго принюхивалась в нему, с шумом втягивая ноздрями воздух.

– Покойником пахнет, – тихо и задумчиво произнесла Марфа, – мать-то сама померла, или помог кто?

– Сама! Старая уж была, два года лежмя лежала и померла вот! – быстро проговорила Зоя, и щеки ее покрылись пунцовым румянцем.

– А пахнет так, как будто ей помог кто... – задумчиво проговорила ведьма.

Прасковья сидела ни жива, ни мертва. Почувствовав, что все тело ослабло, и сознание вот-вот покинет ее, она попро-

сила у Марфы воды.

– Ишь ты какая, царевна-королевна, – проворчала Марфа, зачерпнула в чашку ключевой воды из ведра и поставила чашку перед Прасковьей, – привыкла, небось, к тому, что все тебе на блюдечке достаётся? Вон и теперь мамка за тебя просит, а ты на лавке расселась, глазами хлопаешь.

Прасковья отпила воды, опустила голову, почувствовав, что ее мутит от вида мерзкой ведьмы. Ей захотелось уйти отсюда как можно скорее, она встала с лавки и сделала несколько шагов по направлению к низкой двери.

– Сиди уж. Я гостинцы назад все равно не отдам! – зло гаркнула Марфа, и Прасковья попятилась обратно к столу, укоризненно глядя на мать.

Откусив большой кусок рыбного сочня, ведьма прикрыла глаза от удовольствия и промычала что-то неразборчивое, повернув лицо к Зое.

– Чего говорите, не разберу? – прошептала Зоя, которая и сама уже была вне себя от страха.

– Вкусно, говорю, наготовила! – захохотала ведьма и засунула сразу полсочня себе в рот.

Прожевав, она вытерла губы рукавом своей замызганной рубахи. А потом взяла чашку, из которой пила Прасковья и залпом допила оставшуюся воду.

– Сплошная горечь после тебя, а не вода! Да и вид у тебя, девка, не важный. Ну, рассказывай! Больная ты, что ли? – спросила Марфа, грузно усаживаясь за стол напротив Прас-

КОВЫИ.

– Так кликуша она! Бес в нее вселился в Купалью ночь, – тревожно зашептала Зоя, склонившись над столом, чтобы быть поближе к ведьме, – Она, беспутая, в лес ходила. Там-то, видать, и случилось это. Кликает она теперь.

– Ты сама-то, девка, говорить умеешь? – усмехнулась Марфа, даже не взглянув на Зою.

– Умею, – угрюмо проговорила Прасковья.

– Тогда говори! Рассказывай сама, что с тобой случилось в лесу! А ты, мамаша, помолчи уже.

Марфа снова зло зыркнула сначала на Зою, потом на Прасковью, та вздрогнула и схватилась руками за лавку, словно боялась упасть.

– Я плохо помню, словно во сне было, – начала она, – помню, как с Машкой пошли в лес, как дошли до оврага с папоротниками. Помню, как Машка поскользнулась и упала в овраг. И все, больше ничего не помню. Даже как из леса вышла – и то не помню.

– Косы распускали? Кресты с себя снимали? – насупившись, спросила Марфа.

– Конечно! Купалья ночь же! Как за цветком папоротника с крестом-то идти?

– Шепот да шаги кругом в лесу тоже, наверное, слышала?

Прасковья кивнула, и взгляд ведьмы стал темным и строгим.

– Ой, дуры-дуры! Ночью в лес – простоволосые и без кре-

стов! Пустоголовые дуры! Ты-то, мамаша, куда смотрела? Хоть бы предупредила ее!

– Да кабы она меня слушала! – с досадой воскликнула Зоя, – без спросу ускакала к речке, и ищи-свищи ее!

Ведьма нахмурилась, лицо ее стало напряженным.

– И как часто кликает? – спросила она, повернувшись к Зое.

– Два раза уж принималась, – тяжело вздохнула женщина, – как сама не своя вдруг делается. Лицо чернеет, изо рта пена идет, тело в дугу сгибается. Страх да и только!

Марфа поднялась с лавки, подошла к Прасковье и обхватила своими пухлыми ладонями ее лицо.

– Ну-ка глянь-ка мне в глаза, девка. Посмотреть я хочу на твоего беса, – сказала она.

Прасковья посмотрела в узкие, темные глаза ведьмы. Та неожиданно поднесла свое лицо так близко, что Прасковья почувствовала кислый запах ее дыхания, и ее снова замутило.

– Ничегошеньки не вижу в глазах. Ну-ка открой рот!

Прасковья послушно открыла рот. Марфа заглянула к ней в рот, и снова нахмурилась.

– Тоже нет. Давай там смотреть.

Прасковья непонимающе взглянула на нее.

– Где – там? – спросила она.

Марфа махнула рукой на ее юбку и скомандовала.

– Ложись на лавку, юбку задирай!

Прасковья отпрянула ближе к матери, вцепилась в ее плечо.

– Мам, я не дамся! Мам, прошу тебя, давай уйдем отсюда! – взмолилась она.

И тут ведьма громко захохотала.

– Все понятно, там твой бес-то и спрятался. Боится!

Марфа снова тяжело опустилась на лавку, взяла трубку, набила ее табаком и закурила. По комнате поплыл густой белый дым. Прасковья закашлялась, ей стало трудно дышать.

– Кашляй-кашляй, девка. Табак-то у меня не простой!

Ведьма смотрела на Прасковью, прищурившись.

– Марфа, скажите, что же нам делать-то? У Прасковьи свадьба скоро должна быть, жених у нее хороший. Как нам беса этого прогнать? Ведь жалко девку, совсем молодая она у меня!

Ведьма поднесла трубку ко рту, затянулась и выпустила дым в лицо Зое.

– Не бойся, мамаша. Дам я твоей девке колдовскую траву. Пропьет она ее неделю, бес в ней подохнет и сам выйдет из нее.

– А как мы пойдем, что он вышел? – спросила Зоя, теребя от волнения край своей кофты.

– Поймете. Он выходит большим черным сгустком вонючей слизи, – снова захохотала старуха, увидев, какими испуганными глазами на нее уставились обе женщины.

Сунув в руки Зое пучок колдовской травы, ведьма скорее

выпроводила их из избы.

– Устала я от вас. Уходите и не возвращайтесь больше, – сказала она и с грохотом захлопнула низкую дверь.

– Прося, милая, как же я жду нашу свадьбу! – прошептал Прасковье на ухо Алексей, – старики будто против нас, мрут один за другим!

Девушка грустно улыбнулась, на ее душе лежал огромный камень. Алексей ничего не знал о ее припадках и об истинной причине бабушкиной смерти. Мать строго-настрого запретила Прасковье говорить ему о том, что она кликуша.

– Он тебя сразу же бросит, если узнает! Кликушу ни один нормальный мужик в жены не возьмет. Зачем нужна такая, когда кругом полно нормальных девок?

И Прасковья привторялась и врала. Она врала так умело, что у Алексея и в мыслях не было усомниться в том, что с любимой что-то не так.

Из-за внезапной кончины бабушки свадьбу перенесли, а потом Прасковья сказала больно, чтобы поменьше встречаться с женихом. Но он приходил к ней почти каждый вечер, сидел возле кровати и держал ее руку в своих горячих ладонях. А Прасковья считала минуты и гадала, когда же Алексей уйдет. Она каждый день пила меркзие на вкус травы, которые ей дала ведьма Марфа, и ждала, что бес вот-вот выйдет из нее.

Зоя тоже переживала, что Алексей может увидеть внезап-

ный приступ Прасковьи, поэтому через каждые пять минут заглядывала в комнату и поторапливала его:

– Ступай уже Алешенька! Ей сил надо набираться. Больше свадьбу переносить нельзя – плохая примета!

Алексей послушно вставал и с тоской в глазах уходил домой.

– Ох и крепко он тебя любит! – как-то сказала Зоя, глядя в окно на удаляющуюся широкоплечую фигуру парня.

– Да, любит... – грустно вздохнула Прасковья, – только толку-то? Вдруг этот бес из меня не выйдет никогда?

– Типун тебе на язык, Проська! – грозно проговорила мать, – не болтай ерунду! Выйдет. И свадьбу сыграем, как порешили. И детей нарожаешь, как хотела. Будешь ты у меня самой счастливой!

Прасковья улыбнулась матери. И Зоя улыбнулась в ответ.

Всю неделю Прасковья, преодолевая отвращение, борясь со рвотными позывами, прилежно пила колдовские травы. Живот от них распухал и болел, иногда ей казалось, что кишки ее скручиваются узлами. Почти каждый час она бегала в деревянный туалет за домом. Она сильно похудела и ослабла, но уверенность в том, что все эти мучения помогают изгнать беса, придавали девушке сил.

А на восьмой день припадок снова повторился. Матери не было дома, она ушла к соседке и заперла спящую Прасковью на замок.

– А то вдруг что! Всякие тут мимо ходят! Повешу замок – и ей, и мне спокойнее будет – так сказала сама себе Зоя, запирая дверь.

И вот, спустя час после того, как мать ушла, Прасковья проснулась и почувствовала, что с ее телом опять творится что-то неладное. Вначале она решила, что это бес из нее выходит, но потом руки и ноги снова скрутило судорогой. Она хотела встать с кровати, но не смогла, упала на пол и стала биться в страшных судорогах. А когда тело ее обмякло и рухнуло на пол, Прасковья вдруг явственно ощутила, что она в своей оболочке лишняя, что кто-то чужой, более сильный, завладел ее телом.

Какая-то неведомая сила подняла ее на ноги, и Прасковья почувствовала, как ее собственные руки принялись изо всех сил стучать по запертой двери. Она колотила без устали, царапала дверь ногтями, кусала зубами, вопила, словно одержимая и рычала, как раненый зверь. Очень хотелось остановиться, почувствовать свое тело, успокоиться. Но вместо этого Прасковья изо всех сил ударялась головой о стену.

– Открой дверь! Я убью тебя, жирная тварь! – закричала Прасковья против своей воли, – Вздумала травить меня своими жалкими травками? Ведьмишка поганая! Ничего у тебя не выйдет!

Прасковья обернулась, осмотрела все вокруг потемневшим взглядом и начала крушить собственный дом – стол перевернулся, посуда упала на пол и вдребезги разбилась,

усыпав все вокруг острыми осколками. Прасковья с ужасом смотрела на то, что творит бес, сидящий внутри нее, но сопротивляться ему она не могла, он забрал себе все силы. Она могла лишь подчиняться его воле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.